

SOPHIE KINSELLA

I owe you one

СОФИ КИНСЕЛЛА

Я - ТВОЙ ДОЛЖНИК

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К41

Sophie Kinsella
I OWE YOU ONE

Copyright © Madhen Media Ltd 2019

Перевод с английского *Д. Селиверстовой*
Художественное оформление *Е. Окольциной*

Кинселла, Софи.

К41 Я — твой должник / Софи Кинселла ; [пер. с англ. Д. Селиверстовой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-103081-0

Фикси — большая любительница все привести в порядок. Все, кроме собственной жизни. Ее маленький бизнес прогорел несколько лет назад, когда первые же клиенты не заплатили по счетам. Уже много лет она безответно влюблена в ослепительного Райана, друга ее брата, который как раз вернулся в Лондон, приведя ее в полное смятение. К тому же Фикси никак не сладит с собственной семьей. Все меняет мимолетная встреча и, казалось бы, пустяковое одолжение незнакомцу. Шутливая долговая расписка на картонном держателе для кофе вдруг запускает череду событий, которую никак нельзя было предугадать. Так кто же окажется должником в финале?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Селиверстова Д., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103081-0

*Моему другу и редактору
Джой Терекиев*

Глава первая

У меня есть пунктик: я не могу просто взять и забыть на что-то. Меня это раздражает. Есть проблема — ее надо пофиксить, прямо здесь и сейчас. У меня даже прозвище такое — Фикси.

В чем-то это даже хорошо. Вот, например, на свадьбе Ханна, моей лучшей подруги. Прихожу и вижу: на половине столов нет цветов. Я это разрулила до прихода остальных гостей. Ханна меня еще потом поблагодарила в своей речи. И все получилось прекрасно.

А иногда наоборот. Однажды я смахнула клочок пуха с ноги женщины, сидевшей в соседнем шезлонге на спа-процедурах. Я хотела как лучше. А оказалось, что у нее просто на бедрах волосы растут. И я только ухудшила дело, воскликнув:

— Ох, простите, я думала, это клочок пуха!

Та вся побагровела, и еще две женщины тут же на нас уставились...

Теперь-то я понимаю: лучше мне было вообще промолчать.

Словом, есть у меня такой пунктик. Бзик. Раздражает меня всякий беспорядок. И прямо сейчас он заключается в банке от колы. Ее поставили на верхней полке в нашем магазине, в отделе товаров для отдыха. Прямо напротив шахмат, и на них те-

перь бурое пятно. Видно, открыли банку рывком, так, что все расплескалось, и не вытерли. Чьих рук дело?

Прищурившись, я оглядываю магазин. На подозрении Грег, старший помощник. У него вечно при себе какое-нибудь пойло. Если не в жестянке, то в термочашке с камуфляжным узором — словно он в армии, а не в Эктоне, в магазине товаров для дома. Он вечно оставляет свои посудины где попало, а иногда и вовсе сует их покупателям в руки: «Подержите, пока я вон ту кастрюлю достану». Сколько раз ему твердила: «Не надо так делать!»

Ладно. Сейчас не до упреков. Кто бы ни пролил колу (Грег, поклясться готова, Грег!), важно, что от нее осталось пятно, а к нам вот-вот нагрянут важные гости.

Да, знаю, что шкаф высокий. Знаю, что пятно в глаза не бросается. И многие даже внимания не обратили бы. Сказали бы: «Тоже мне проблема, есть дела поважнее».

Со мной этот номер не пройдет.

Изо всех сил стараюсь не смотреть на пятно, оглядываю сверкающий чистотой зал. Немного загромождено, конечно, но в семейных магазинах всегда так (наш с 1985 года, как на витрине написано). У нас есть все: от столовых ножей до фартуков и подсвечников, и это изобилие надо куда-то рассовывать.

Замечаю человека в водонепроницаемом плаще; он стоит в отделе товаров для кухни. Он тянется трясущейся рукой к простенькой белой кружке, и я торопливо протягиваю ее ему.

— Вот, пожалуйста, — говорю я, дружелюбно улыбаясь. — Могу отнести ее на кассу. Показать какие-нибудь другие кружки? Или вам нужно что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, дорогая, — говорит он дрожащим голосом. — Мне нужна только кружка.

— Белый — ваш любимый цвет? — мягко наседаю я. Купить всего одну примитивную белую кружку — это так дико, что мне просто не выдержать.

— Пожалуй... — Он с сомнением оглядывает полки. — Мне еще нравится коричневый.

— Вот такой? — Я беру коричневую глиняную чашку, к которой гость, наверное, и не присматривался, настолько далеко она стояла. Прочная, с красивой ручкой. С такой в самый раз сидеть возле камина.

У гостя вспыхивают глаза. Так я и знала! Если живешь затворником, даже выбор кружки может иметь огромное значение.

— Она немного дороже, — говорю я. — Четыре фунта девяносто девять. Пойдет?

Потому что ничто не дается даром. И не нужно брать на себя лишнее. Так папа учил.

Я осторожно веду покупателя по проходу, следя за опасными углами. Это не от великодушия: знаю я мастеров все сшибать на пол. С ходу таких вычисляю. Трясущиеся руки, блуждающий взгляд, разболтанная сумка на колесиках — классические признаки. Осколки битой посуды по всему полу — это последнее, что нужно именно сейчас, когда к Джейку вот-вот придут посетители.

Я радостно улыбаюсь незнакомцу, стараясь ничем не выдать своих чувств, хотя при одной мысли о Джейке у меня все сжимается внутри. Всегда так. Стоит мысленно произнести: «Джейк» — и нá тебе. Я даже привыкла, хотя до сих пор не уверена, что это нормально. Понятия не имею, как другие воспринимают своих братьев. У моей лучшей подруги

Ханны их нет, а первого встречного ведь не спросишь, правда? «Как вы к братьям-сестрам относитесь? Психуете, иглы топорщите?» С моим братцем дело именно так и обстоит. Из-за Николь я не психую, но вечно оцетиниваюсь, как перед дракой.

Словом, ни с кем из них я не чувствую себя хорошо.

Может, дело в том, что они оба старше и мне трудно тягаться с ними. Когда я, одиннадцатилетняя, только перешла в среднюю школу, Джейку исполнилось шестнадцать, и он считался звездой футбольной команды. Николь в пятнадцать отличалась изумительной красотой, и ее приглашали в модельный бизнес. Все в школе хотели с ней дружить. Меня благоговейно спрашивали: «Как, Джейк Фарр — твой брат?! Николь Фарр — твоя сестра?!»

Николь уже тогда предпочитала просто плыть по течению, но Джейк — совсем другое дело. Собранный. С горящим взором. Вспыльчивый. Никогда не забуду, как он повздорил с мамой, а потом пинал по всей улице консервную банку и ругался на чем свет стоит. Я следила за ним сверху из окна, замороженная и слегка напуганная. Сейчас мне двадцать семь, но ведь в каждом из нас живет одиннадцатилетка.

Конечно, есть и другие причины напрягаться из-за Джейка. Материальные. Финансовые.

И о них я сейчас думать не стану. Вместо этого я улыбаюсь покупателю: пускай думает, что в моем распоряжении целая вечность. Папа поступил бы так же.

Морэг пробивает сумму, и старичок вытаскивает потрепанный кожаный кошелек для мелочи.

— Пятьдесят... — Он щурится, разглядывая монету. — Это ведь пятьдесят пенсов?

— Давайте я посмотрю, — успокаивающим голосом произносит Морэг. Она с нами уже семь лет. Сначала была постоянной покупательницей, а потом заметила объявление о найме. Теперь она помощник управляющего и занимается поставками поздравительных открыток — глаз у нее наметанный.

— Нет, это десять пенсов, — мягко говорит она. — У вас есть еще фунтовая монета?

Мой взгляд притягивается к банке из-под колы и к шахматам. «Не имеет значения», — твержу я себе. Сейчас есть дела поважнее. И посетители ничего не заметят. Они придут, чтобы оливковое масло показывать, а не для проверок. Успокойся, Фикси.

Угомонись.

О господи, не могу! У меня сейчас крыша съедет.

Мой взгляд так и притягивает к банке. Пальцы выбивают дробь, как обычно, когда мне не терпится что-то привести в порядок, и вообще, когда я лезу на стенку из-за чего бы то ни было. И на месте не стоит: шаг вперед, наискось, назад, шаг вперед...

Такое у меня с детства. Это выше моих сил. Я знаю, что будет чистым сумасшествием приволочь ведро, лестницу и отмывать это пятно сейчас, когда вот-вот нагрянут гости. Знаю!

— Грег!

И едва Грег появляется из отдела посуды, вопль вырывается сам собой:

— Принеси лестницу, срочно! Надо отмыть то пятно!

Грег смотрит туда, куда я указываю, и подскакивает при виде банки.

— Это не я! — виновато восклицает он. — Точно не я.

И помолчав, добавляет:

— То есть если я, то не заметил...

Чего у Грега не отнимешь, так это того, что работает он на совесть и ему поневоле многое прощаешь.

— Неважно, кто, — отмахиваюсь я. — Надо это убрать, быстро.

— Ну да... — Грег обмозговывает услышанное. — Хорошо. А разве к нам сейчас не придут?

— Придут, потому и надо убрать как можно быстрее.

— Ладно, — говорит Грег, не шевельнув пальцем. — Понял. А где Джейк?

Очень хороший вопрос. Джейку первому принимать этих оливково-масляных. Видимо, в баре. Именно он устроил встречу. И его тут нет.

Но из верности семье вслух я ничего этого не говорю. Для меня это важно. Может, важнее всего остального. Некоторые люди вверяют себя Господу Богу, ну а папа мой, умирая, повторял со своим ирландским акцентом: «Семья, Фикси. От нее мы зависим. Семья — это все».

Верность семье — наша религия.

— С Джейком всегда так, — ворчит Грег. — Никогда не знаешь, когда он объявится. На него нельзя положиться. А нас еще мало сегодня, раз твоя мама взяла выходной.

Может, все это и справедливо, но в голове у меня папин голос: «Семья в первую очередь, Фикси. Всегда защищай семью на людях. Между собой потом разберетесь».

— Свои часы он отработывает, — напоминаю я Грегу. — Все согласовано.

В магазине работают все Фарры: мама, я, Джейк и моя сестра Николь, но только мы с мамой пашем полный день. Джейк именуется нашим «консультантом». У него свой бизнес, он магистр делового администрирования и здесь бывает набегами. А Ни-

коль занимается йогой с понедельника по пятницу и сюда может приходить только по выходным. Что иногда и делает.

— Они, наверное, уже на подходе, — бросаю я. — Давай сюда лестницу поскорее!

Пока Грег волочит стремянку, я заскакиваю в подсобку и быстро набираю в ведро горячей воды. Надо только взлететь по ступенькам, смыть пятно, забрать банку, спуститься и убрать все до прихода гостей. Пара пустяков.

Отдел товаров для отдыха не очень удобный, все втиснуто между кухонными полотенцами и банками для варенья. Но так все устроил папа, и мы никогда ничего не меняем. Он очень любил настольные игры. Они, говорил, так же важны в хозяйстве, как ложки. Люди приходили к нам за чайником, а уходили еще и с «Монополией».

И со дня его смерти девять лет назад мы старались сохранить магазин таким, каким папа его создал. Мы по-прежнему продаем лакричные палочки. У нас есть скобяные товары. А в отделе для отдыха полно игр, мячей и водяных ружей.

Папин талант заключался в том, что он мог продать что угодно и кому угодно. Он умел очаровывать. Но очаровывать искренне, а не жульничать, вешая на уши лапшу. Он верил в каждый продукт, который продавал. Он хотел приносить людям счастье. Он создал маленький мирок в уголке Западного Лондона (себя, уроженца Ист-Энда, папа всегда называл эмигрантом), и его детище живет до сих пор. Пусть даже тех посетителей, которые знали папу лично, из года в год становится все меньше.

— Ладно, — бормочу я, торопясь с ведром обратно в зал. — Это всего секундочка!

Я взбираюсь по стремянке и принимаюсь за бурое пятно. Внизу Морэг показывает покупателю нож для чистки овощей: как хочется присоединиться к беседе! В ножах я толк знаю, курсы шеф-поваров проходила! Но нельзя быть всюду одновременно, и...

— Приехали! — возвещает Грег. — Паркуются.

Джейк настоял на том, чтобы мы зарезервировали место для этих оливковых. Они его спрашивали: «У вас есть где припарковаться?», а ему гордость не позволила сказать, что место только одно. Он и заявил на голубом глазу: «Да, конечно!», как будто у нас целый подземный гараж в хозяйстве.

— Пустяки, — выдыхаю я. — Готово. Все в порядке.

Я швыряю тряпку в ведро и начинаю спускаться, держа в руке банку от колы. Пожалуйста! Времени заняло почти ничего, и меня теперь ничто не будет тревожить, и...

— Осторожней со стремянкой!

Я слышу Грега, но он вечно изводит нас всякими советами по здоровью и технике безопасности, вычитанными в Интернете. И я продолжаю спускаться как ни в чем не бывало, пока он не орет с неподдельным испугом:

— Стой!

— Фикси! — вопит Стейси из-за кассы (еще одна из наших ассистентов, и ее пронзительный гундосый голос ни с чем не перепутаешь). — Берегись!

Я разворачиваюсь и сразу понимаю, что натворила. Я зацепила рукавом кольцо для нетбола, к которому прикреплена целая кадка с резиновыми мячиками. И теперь она балансирует на краю шкафа, и я уже ничего не могу поделать... Вот черт!

— О господи!

Я вскидываю свободную руку, загораживаясь от обрушившейся лавины резиновых мячей. Они барабанят по голове, по плечам, разлетаются по всему магазину. Откуда их столько взялось?!

Спустившись со стремянки, я с ужасом смотрю по сторонам. Каким-то чудом ничего не разбилось. Но весь пол покрыт ковром из резиновых мячиков.

— Быстро! — командуя я Грегу и Стейси. — Работаем всей командой! Подберите их! А я пока встречу гостей.

Я кидаюсь к дверям. Грег и Стейси похожи не на команду, а на что-то прямо противоположное. Они то и дело сталкиваются друг с другом и ругаются на чем свет стоит. Грег торопливо пихает мячики за пазуху и в карманы.

— В кадку их убери! — ору я.

— Я даже не заметила этого пятна! — встревает Стейси, в обычной своей манере пожимая плечами, когда я прохожу мимо. — Надо было так оставить.

«И что толку теперь говорить?» — вертится на языке. Но я сдерживаюсь.

В первую очередь потому, что она хороший работник, лучше с ней отношения не портить. Просто надо приноровиться к тому, что мы с мамой называем ПМС: Проблематичные Моменты Стейси.

А главная причина, почему я молчу, — это то, что Стейси права. Надо было так и оставить. Но я не могу ничего не пофиксить, вот в чем беда. Натура у меня такая.

Глава вторая

Гости навороченные. Следовало ожидать. Мой брат Джейк любит тусоваться в крутых компаниях. Амбиций у него хватало с детства. Началось все